

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Вступив в новое столетие, Россия оказалась перед лицом серьезных демографических вызовов, на которые ей предстоит найти ответы. Этой непростой теме была посвящена научная конференция «Россия перед демографическими вызовами XXI века», проходившая в Москве 18—19 декабря 2003 г. и приуроченная к 15-летию юбилею Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Общая тема конференции — «Россия перед демографическими вызовами XXI века» — распадается на несколько подтем, каждая из которых рассматривалась на одной из четырех сессий: 1) Россия перед вызовами низкой рождаемости, депопуляции и старения; 2) Россия перед миграционными вызовами; 3) Россия перед вызовами ухудшающегося здоровья; 4) Россия перед вызовами высокой смертности. Эти подтемы, в свою очередь, соответствовали научной тематике четырех лабораторий Центра демографии и экологии человека. Основные доклады были представлены ведущими сотрудниками этих лабораторий. По просьбе редакции «Мира России» тексты некоторых докладов переработаны в статьи, которые публикуются в настоящем номере журнала.

Пять вызовов нового века

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

XX век стал для России веком демографической модернизации, в результате которой в России с некоторым опозданием утвердился новый тип воспроизводства населения, такой же, какой господствует сейчас во всех промышленно развитых городских обществах. Этот фундаментальный сдвиг сделал возможными многие изменения, которые всегда рассматриваются как позитивные атрибуты модернизации: почти полная ликвидация детской смертности, удлинение жизни, эмансипация и самореализация женщины, демократизация семейных отношений, растущие удельные инвестиции в детей, рост образования и пр. Однако страна оказалась перед очень серьезными вызовами, на которые ей придется отвечать в наступившем столетии.

Вызов высокой смертности

Один из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних российских вызовов — вызов высокой и продолжающей расти смертности.

В ходе демографической модернизации процесс вымирания поколений в России, как и везде, коренным образом изменился. К середине 1960-х годов смертность по сравнению со смертностью в начале столетия резко снизилась;

ожидаемая продолжительность жизни и мужчин и женщин выросла более чем вдвое (табл. 1).

Эти достижения стали результатом развернувшегося во всех промышленно развитых странах, в том числе и в России, «эпидемиологического перехода»: служившие главными причинами смерти болезни острого действия, имевшие по преимуществу экзогенную природу и поражавшие людей всех возрастов, особенно детей, замещаются хроническими болезнями преимущественно эндогенной этиологии, прежде всего болезнями сердечно-сосудистой системы либо онкологическими заболеваниями, обусловленными в основном влиянием канцерогенных факторов накапливающегося действия («квазиэндогенные» факторы). Эти болезни и выступают в новых условиях в качестве ведущих причин смерти.

Мировой опыт показывает, что эпидемиологический переход осуществляется в два этапа. На первом из них успехи достигаются благодаря определенной стратегии борьбы за здоровье и жизнь человека, в известном смысле патерналистской, основанной на массовых профилактических мероприятиях, которые не требуют большой активности самого населения. Именно с помощью такой стратегии добился успехов и СССР, вошедший к началу 1960-х годов в число трех десятков стран с наиболее низкой смертностью.

Однако к середине 1960-х годов возможности этой стратегии в развитых странах оказались исчерпанными. Они подошли ко второму этапу перехода, когда понадобилось выработать новую стратегию действий, новый тип профилактики, направленной на уменьшение риска смерти от заболеваний неинфекционного происхождения, особенно сердечно-сосудистых заболеваний и рака, а также от несчастных случаев, насилия и других подобных причин, непосредственно не связанных с болезнями. Эта стратегия требовала как более активного и сознательного отношения к своему здоровью от каждого человека, так и намного больших материальных затрат на охрану и восстановление здоровья, что, в свою очередь, способствовало повышению его общественной ценности.

Западным странам после не очень продолжительного времени удалось выработать и реализовать такую стратегию. В СССР же ответ на новые требования времени не был найден, модернизация процесса вымирания поколений резко замедлилась и осталась незавершенной. В результате наше отставание снова стало нарастать. На рис. 1 хорошо видны как сокращение отставания, так и его новое нарастание. К 2000 г. у мужчин оно во многих случаях стало большим, чем было в 1900 г. (табл. 2).

В результате в последней трети XX в. страна несла огромные людские потери. Подсчитано, что приостановка снижения смертности обошлась России примерно в 14 млн преждевременных смертей за 1966—2000 гг. Из них свыше 5 млн — преждевременные смерти людей в возрасте до 65 лет, более чем на 80 % — мужчин. Далеко не всякая война способна нанести такое разорение даже очень большой стране.

Неблагополучие со смертностью, которое в советское время утаивалось, сейчас достаточно хорошо осознано общественным мнением. И в России, и за рубежом ведутся интенсивные исследования причин высокой российской смертности, социальных и экономических факторов, от которых она зависит. Однако когда речь идет о провале таких масштабов, дело не может сводиться к дей-

Таблица 1 Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1913, 1964 и 2001 гг.

Год	Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Выигрыш по сравнению с 1896—1897 гг., лет	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1896—1897*	29,4	31,7		
1964—1965	64,6	73,4	35,2	41,7
2002	58,5	72,0	29,1	40,3

* Европейская Россия.

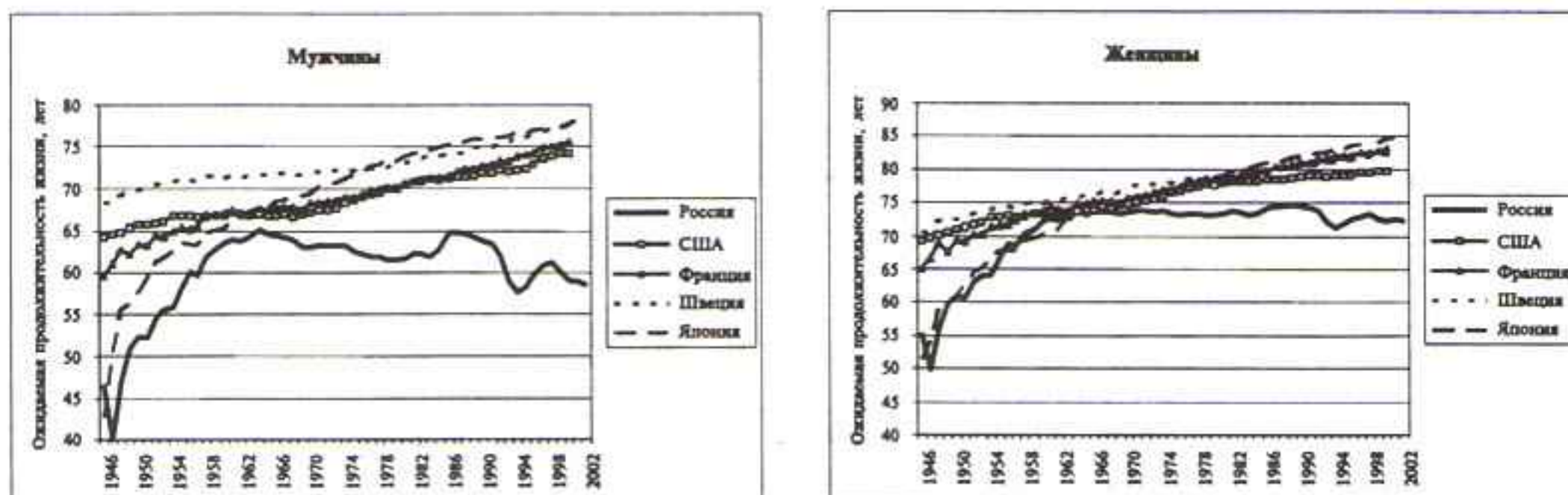

Рис. 1 Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в России и в некоторых западных странах, 1946—2001, в годах

Таблица 2 Отставание России в ожидаемой продолжительности жизни в начале и в конце XX в., в годах

Год	От США	От Франции	От Швеции	От Японии
Мужчины				
1900	15,9	12,7	20,3	14,5
2000	15,2	16,5	18,5	18,7
Женщины				
1900	16,2	14,1	20,8	13,1
2000	7,5	10,8	9,9	12,4

ствию отдельных, даже очень важных факторов. Нужны какие-то системные объяснения, которые требуют критического анализа главных целей общества, его приоритетов, в конечном счете их серьезного пересмотра.

Пока это не сделано, и положение продолжает ухудшаться. Сейчас многие склонны искать корни неблагополучия со смертностью в событиях, происшедших в России в 1990-х годах, однако в действительности нынешняя позорно низкая продолжительность жизни российских мужчин (58,5 года в 2002 г.) находится на линии тренда, который сложился в 1963—1983 гг. и который пока не удалось изменить (рис. 2).

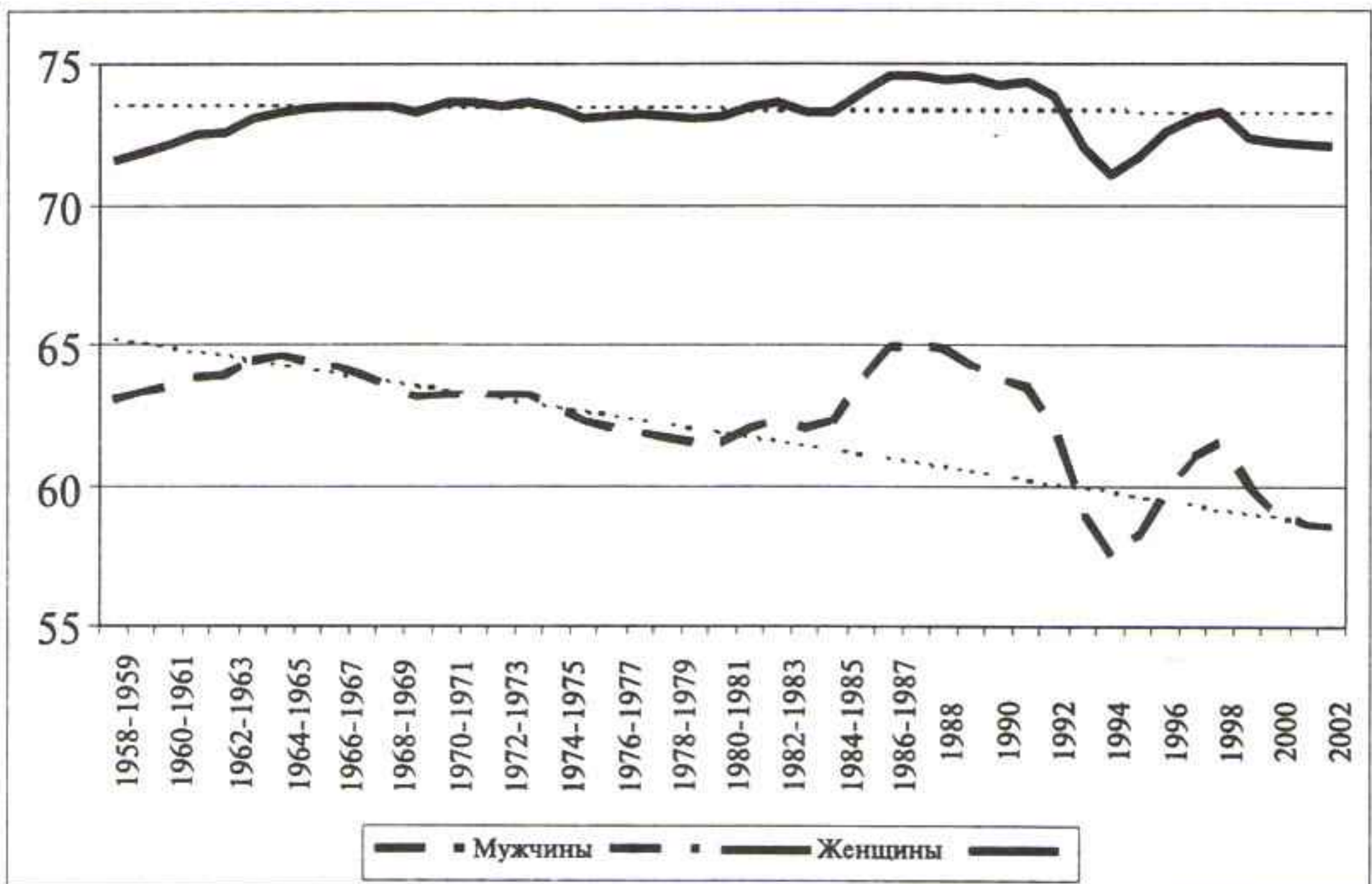

Рис. 2 Фактические изменения ожидаемой продолжительности жизни в России в 1958—2002 гг. и линия тренда 1963—1983 гг.

Длющийся уже четыре десятилетия российский кризис смертности продолжается.

Вызов низкой рождаемости

Занимая очень важное место в ряду демографических вызовов, перед лицом которых находится Россия, вызов высокой смертности все же сильно отличается от всех других тем, что не является собственно вызовом модернизации. Он скорее следствие действия факторов, препятствующих ее завершению. Другие же вызовы, как правило, порождены именно глубокими модернизационными изменениями; они укоренены не в прошлом, а в настоящем и будущем и поэтому в известном смысле более опасны. Один из них — вызов низкой рождаемости.

В России в 2000 г. рождаемость была минимальной за всю ее историю — 1,21 рождения на одну женщину. В условиях российской смертности это обеспечило замещение поколений всего на 57 %. В последнее время рождаемость обнаружила тенденцию к небольшому повышению: в 2002 г. коэффициент суммарной рождаемости повысился до 1,32. Но обольщаться не следует. Колебания уровня рождаемости под влиянием конъюнктурных факторов — демографических и недемографических — возможны. Но рассчитывать на ее повышение до уровня хотя бы простого замещения поколений (примерно 2,2 рождения на

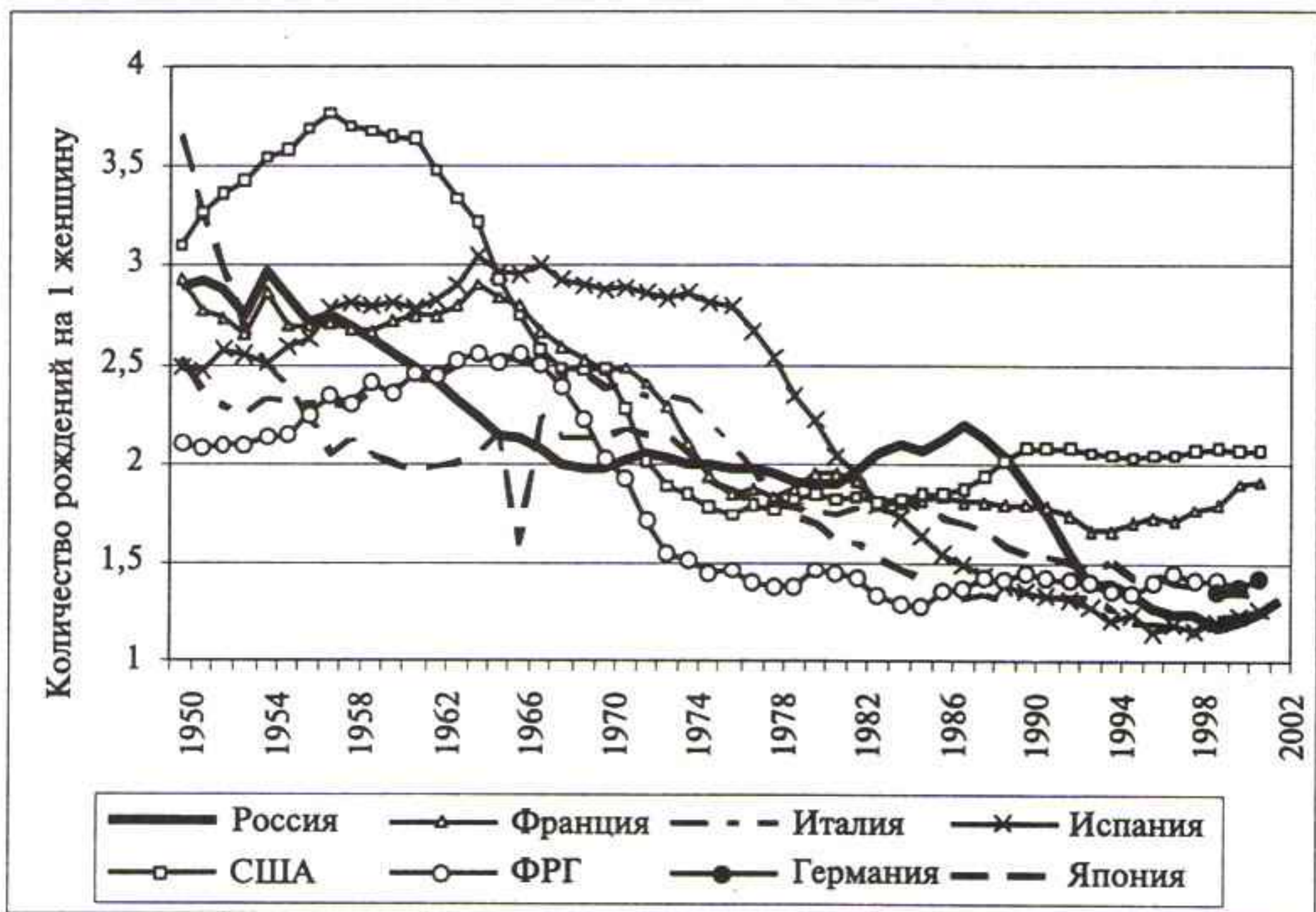

Рис. 3. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах, 1950—2002 гг.

женщину), ниже которого она находится у нас с середины 1960-х годов, оснований нет.

Следует ли рассматривать низкую рождаемость в стране как проявление специфического российского кризиса — недавних лет или более далекого? (см. рис. 3)

В послевоенный период рождаемость в России быстро падала, опустившись ниже уровня простого замещения поколений еще в 1964 г., т. е. раньше, чем в большинстве развитых стран. Сейчас для подавляющего большинства урбанизированных и индустриально развитых стран мира характерна низкая, а в последнее время очень низкая рождаемость. На рубеже веков во всех развитых странах, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, многие из этих стран находились в одном ряду с Россией. Рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений и в ряде менее развитых стран, в частности в Китае. Сейчас высокая и очень высокая рождаемость остается уделом слабо урбанизированных развивающихся стран Азии, Латинской Америки и Африки (рис. 4), хотя постепенно она снижается и там.

Уже сам факт повсеместной распространенности низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о специфически российском кризисе. Скорее речь идет об общем кризисе всей современной постиндустриальной западной цивилизации, причины которого нельзя устранить в одной стране.

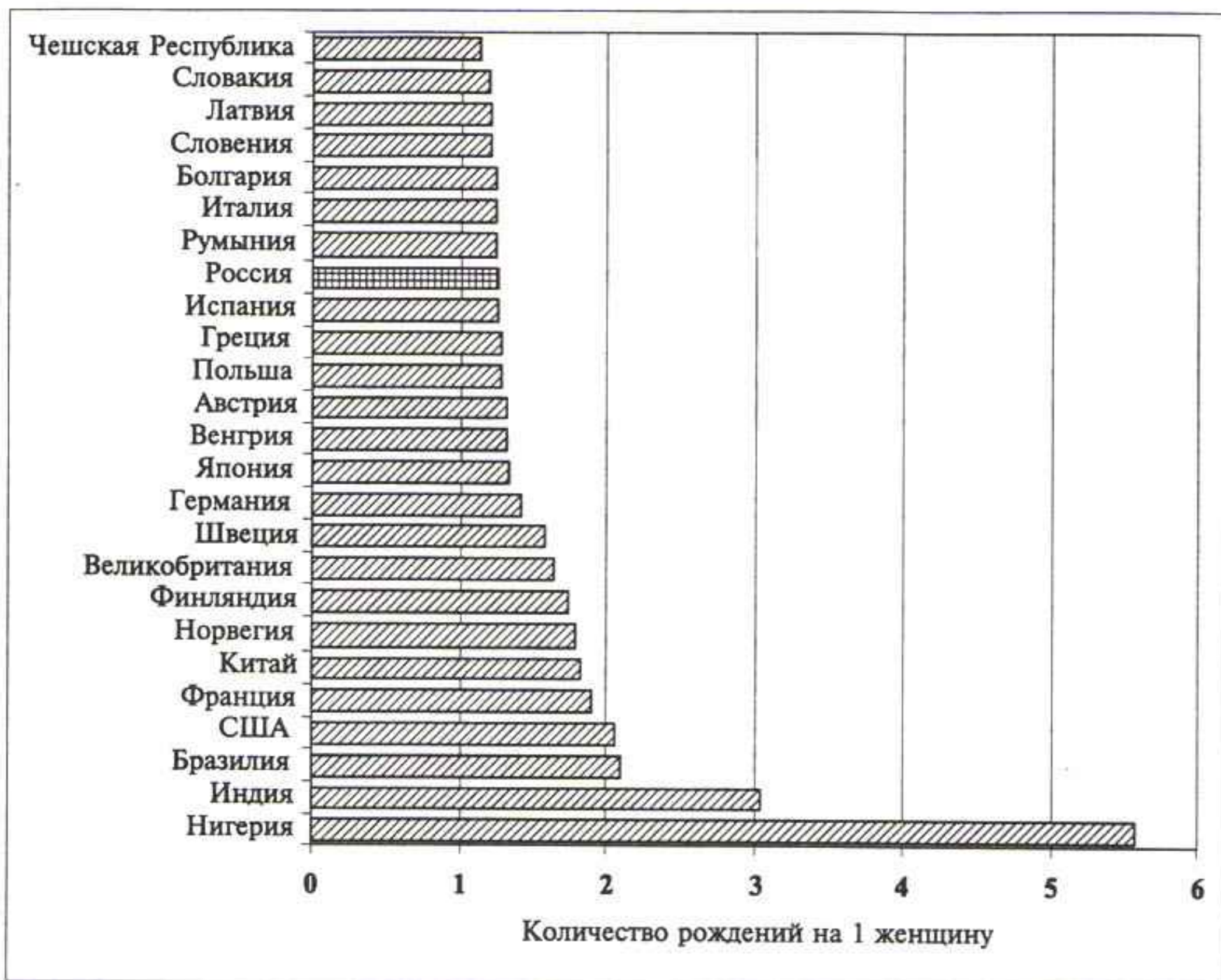

Рис. 4 Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах мира в 2001 г.

Но кризис ли это? Не правильнее ли, приняв во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, говорить не о катастрофичности низкой рождаемости, а о создаваемых ею возможностях внутренней перестройки всего «общественного тела», позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни? Привлекательность низкой рождаемости для большинства населения оказывается глубоко укорененной в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ.

Не исключено, впрочем, что и такой взгляд на современную динамику рождаемости не учитывает всех ее реальных детерминант. Ведь если глобализация, о которой столь много говорится сегодня, не пустой звук, то и такую, теперь уже фактически всемирную, тенденцию, как снижение рождаемости, следует рассматривать не в рамках отдельных стран, как это обычно делается, а в более широком, глобальном, контексте. В ней естественно видеть системную реакцию на общемировой демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты.

Сегодня главная демографическая проблема человечества в целом не недостаток людей, а их избыток. Поэтому, с точки зрения общепланетарных интере-

сов, снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства не зло, а благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению мирового населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. Соответственно снижение рождаемости в России, как и на Западе, можно рассматривать лишь как эпизод начинающегося глобального поворота от роста к сокращению численности мирового населения. Тогда в низкой западной рождаемости следует видеть не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее адаптивных способностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает теперь путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в огромную угрозу для человечества.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение на двух разных скоростях представляет немалую угрозу. Всестороннее осмысление этой угрозы, выработка превентивных стратегий и политик находятся за пределами нашей темы. Тем не менее, оценивая демографическую составляющую глобального развития, можно с уверенностью сказать, что в условиях, когда главной заботой этого развития стало замедление роста мирового населения, думать, что реальным адекватным ответом на новую ситуацию в мире может стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и к расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России, было бы просто наивно. Гораздо более вероятно, что рождаемость в России останется низкой, а воспроизводство населения — суженным на долгое время, а это означает, по меньшей мере, еще два серьезных вызова, которые придется принять России, — вызовы демографического старения и депопуляции.

Вызов демографического старения

Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7 % в 1939 г. до 11,9 % в 1970 г.; до 18,7 % в 2001 г. и продолжает расти. Уже сейчас во многих странах доля пожилых превышает 20 %, в Европейском союзе в целом она составляет 21,5 %, в Японии — 23,7 % [Statistiques... 2002, p. 43]. Такое же будущее ожидает и Россию.

Экономические и социальные последствия демографического старения уже не одно десятилетие обсуждаются в демографической литературе. При этом на первый план обычно выступают явные или предполагаемые негативные последствия и порождаемые ими проблемы. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста численности и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.).

Отрицательный вклад старения населения, «одряхления» наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации. Не исключено, однако, что такая оценка излишне одностороння. Она вызвана «шоком новизны», который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла. Попробуем разобраться в том, что на самом деле стоит за демографическим старением.

Возрастная пирамида необратимо изменяется потому, что в результате снижения смертности коренным образом меняется структура времени жизни поколений: увеличивается время, проживаемое каждой когортой в средних и старших возрастах, а соответственно и его доля во всем совокупном времени жизни каждого поколения.

Что, казалось бы, неожиданного или нежелательного в том, что увеличение продолжительности жизни требует перераспределения совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни, которые прежде были уделом немногих избранных, а теперь стали достоянием большинства? Разумно ли, что, достигнув столь выдающегося результата, научившись продлевать жизнь большинства пришедших в этот мир людей до глубокой старости, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что эти люди до самой смерти должны что-то есть, вообще потреблять в более широком смысле?

Сейчас широко распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общее экономическое положение страны. Кажется очевидным, что если доля пенсионеров в населении увеличивается, то возрастает и нагрузка на трудоспособное население.

Не следует, однако, забывать, что на иждивении людей в трудоспособном возрасте находятся не только старики, но и дети. Поскольку доля пожилых растет одновременно с сокращением доли детей, то совокупная нагрузка на трудоспособное население изменяется совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами. При этом заметим, что дети-иждивенцы потребляют до того, как что-то начинают производить, так сказать авансом. Пожилые же люди переходят на положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их собственным трудом.

На рис. 5 представлена модель распределения времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет). Сравнение на графике пирамиды внутренней (соответствующей поколению с продолжительностью жизни в 30 лет — близкой к той, которая была в России на исходе XIX в.) и внешней (соответствующей поколению с продолжительностью жизни в 75 лет, не достигнутой в России еще и сейчас) ясно показывает, как с увеличением продолжительности жизни увеличивается и число доживающих до более поздних возрастов, а значит, и доля времени, проживаемого людьми из этого поколения в средних, а затем и в старших возрастах. Но что происходит при этом с соотношением времени, прожитого каждым средним представителем поколения в рабочем и нерабочем (до и после пребывания в возрасте трудоспособности) возрастах?

Оказывается, что это соотношение меняется крайне мало, да и эти небольшие изменения скорее во благо, а не во вред: доля времени, прожитого в возрасте иждивения, даже несколько сокращается (табл. 3).

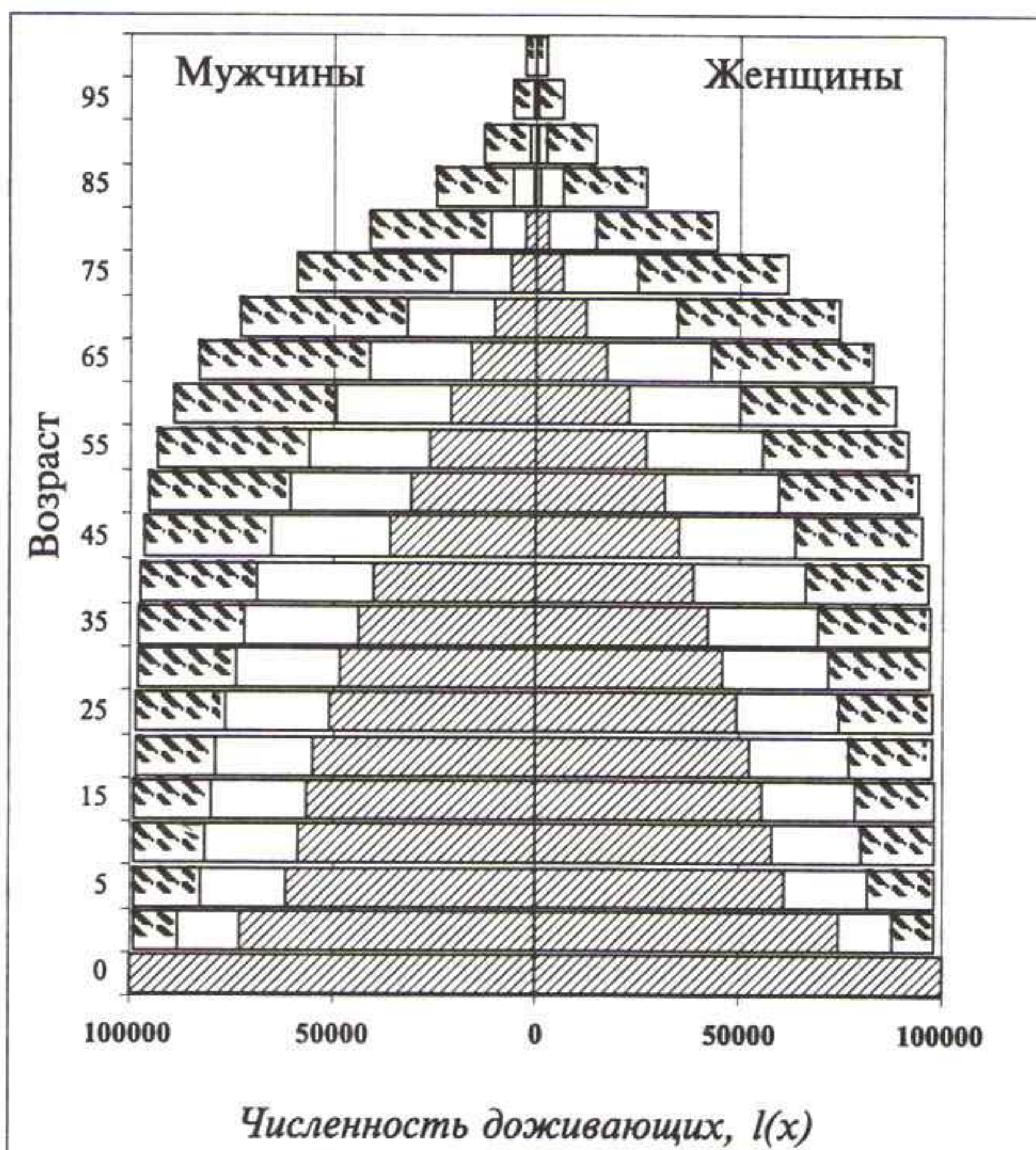

Рис. 5 Модель распределения времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет)

Таблица 3 Распределение времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет), в %

Возраст	При средней продолжительности жизни		
	$e(0) = 30$	$e(0) = 50$	$e(0) = 75$
Моложе трудоспособного (0–20)	40,1%	32,6%	26,2%
Трудоспособный (20–65)	55,0%	57,7%	56,8%
Старше трудоспособного (65+)	4,9%	9,7%	16,9%
Всего,	100,0%	100,0%	100,0%
в том числе в возрасте иждивения	45,0%	42,3%	43,2%

Разумеется, реальная жизнь отличается от идеальной модели. В послевоенные десятилетия в России совокупная нагрузка детьми и пожилыми менялась волнообразно, что было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, формировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и пертурбационных потрясений первой половины XX в. Их влияние не изжито еще и сейчас.

Волнообразные колебания накладывались на генеральную тенденцию постарения и временами вносили очень серьезные коррективы в эволюцию возрастной пирамиды, достаточно сильно удаляя ее от идеального образа, представленного на рис. 5.

Но именно в результате такого наложения, вопреки тому, как часто думают, Россия, с точки зрения возрастного состава ее населения, к концу XX в. оказалась в условиях, относительно благоприятных, едва ли не лучших за весь послевоенный период.

Конечно, нагрузка пожилыми иждивенцами, несмотря на некоторые колебания, продолжает расти и согласно всем прогнозам будет увеличиваться и впредь (рис. 6).

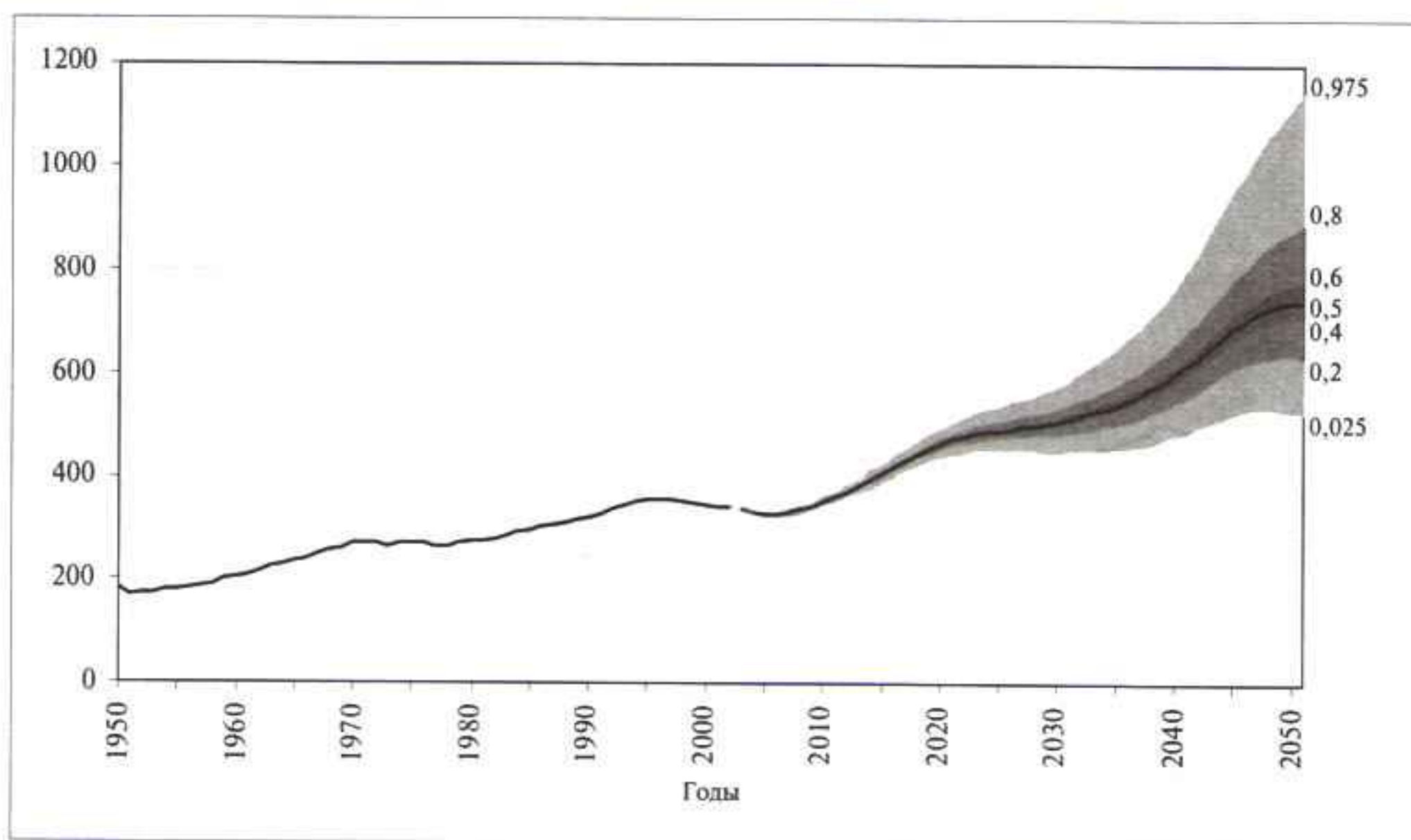
Однако совокупная нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой. Да и ближайшие перспективы в этом смысле достаточно благоприятны: снижение доли детей в населении, запрограммированное ростом рождаемости в 1980-х годах и ее падением в 1990-х годах, будет тормозить рост общей нагрузки.

Даже в 2035 г. эта нагрузка в расчете на 1000 трудоспособных будет не выше, а по большинству сценариев даже ниже, чем в 1975 г., когда она отнюдь не была чрезвычайно высокой. В первой половине 1960-х годов коэффициент совокупной нагрузки в России превышал 800 человек на 1000 трудоспособных. Таким высоким этот показатель будет не ранее 2035 г. и то лишь по некоторым из рассматриваемых сценариев. К подобному развитию событий надо, конечно, готовиться, но едва ли следует его излишне драматизировать. Если Россия смогла справиться с такой нагрузкой в 1965 г., то почему она может оказаться столь опасной 70 лет спустя?

Только после 2035 г. общая демографическая нагрузка начнет превышать 800 на 1000 трудоспособных, постепенно нарастая по мере приближения к 2050 г. (рис. 7).

Таким образом, хотя нынешний рост «пенсииерской нагрузки» бесспорен, это еще не основание для того, чтобы драматизировать проблему старения как демографическую проблему — это вызов, который требует адекватного экономического и социального ответов. Развитие пенсионных систем в XX в. и стало таким ответом на новые демографические реальности, однако не исключено, что принципиально новое место пенсионного обеспечения в структуре механизмов внутр поколенного и межпоколенного перераспределения ресурсов еще не до конца осознано обществом.

Скорее всего истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как это представляет иногда современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий постаре-

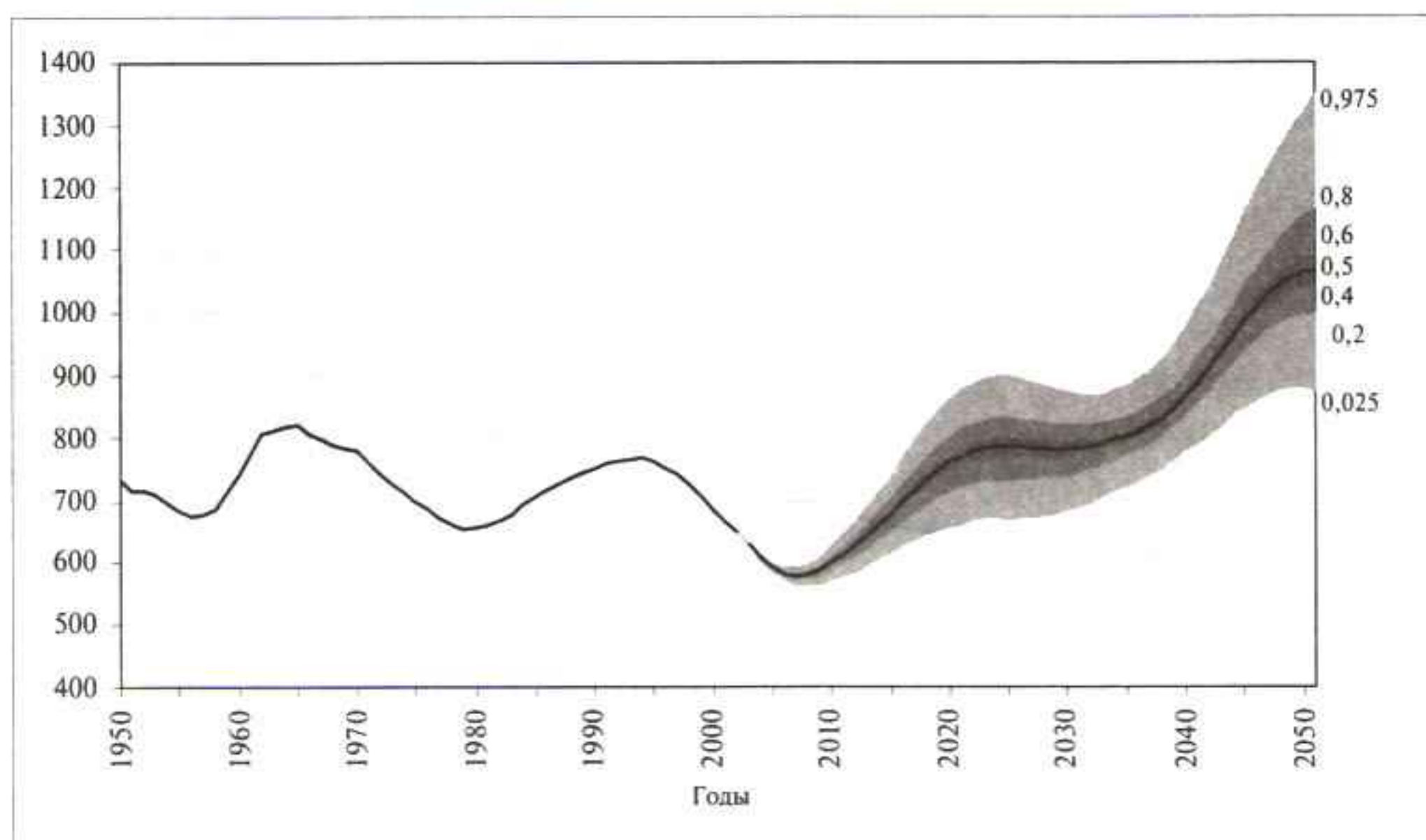

Рис. 6 Нагрузка пожилыми (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше) на 1000 трудоспособных, фактическая в 1950—2000 гг. и прогнозируемая до 2050 г. при разных доверительных вероятностях

Источник: Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека. М., 2002. С. 190.

ния. Надо только суметь ими воспользоваться. Как отмечал известный американский демограф и экономист Р. Истерлин, «реальная задача... относится в основном к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем, чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов» [Easterlin 1994, p. 22].

Чтобы перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений стало политически приемлемым, нужны социальная философия и политическая экономия, отвечающие новым демографическим реальностям. Пока их нигде нет, и скорее всего они сформируются и получат признание лишь тогда, когда подойдет к концу переходный период, на протяжении которого возрастной состав населения непрерывно меняется, и окончательно установится новая стабильная возрастная пирамида с узким основанием и широкой вершиной. А до тех пор будет казаться (без достаточных к тому оснований), что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей делает все более затруднительным и их собственное положение и положение национальных экономик в целом.

Рис. 7 Общая демографическая нагрузка пожилыми (дети до 16 лет, женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше) на 1000 трудоспособных, фактическая в 1950—2000 гг. и прогнозируемая до 2050 г. при разных доверительных вероятностях

Источник: Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека. М., 2002. С. 192.

Вызов демографического старения затрагивает, разумеется, не только экономическую сферу. На него придется отвечать всем жизненно важным подсистемам российского общества. Он потребует существенной реорганизации и образования, и здравоохранения, и обороны, и многого другого. К этому тоже надо быть готовыми. Уже сейчас достаточно явно проявляется конкуренция за сокращающиеся контингенты молодежи между рекрутирующими ее ведомствами; она, несомненно, будет нарастать. В частности, серьезное беспокойство вызывает приближающееся резкое снижение численности призывных контингентов. Это может привести, например, к снятию всех видов освобождений и отсрочек, связанных с получением образования и заполнением даже наиболее важных вакансий в сфере гражданской деятельности, что способно подорвать научный и экономический потенциал страны, но все равно не решит проблемы защиты ее границ. В качестве ответа на этот вызов рассматривается переход к профессиональной армии на контрактной основе, однако пока трудно сказать, насколько такой ответ окажется реальным и эффективным. И это лишь один из примеров тех очень серьезных следствий, которые вытекают из вызова демографического старения.

Вызов депопуляции

Россия была одной из первых стран в мире, в которой установилось соотношение рождаемости и смертности, делающее невозможным простое возобновление поколений. Нетто-коэффициент воспроизводства населения страны опустился ниже единицы в 1964 г. и с тех пор остается ниже этого критического уровня (за исключением короткого периода 1986—1988 гг., см. рис. 8).

При таких показателях появление отрицательного естественного прироста населения становится вопросом времени. Положительный естественный прирост может сохраняться по инерции лишь до тех пор, пока не исчерпается потенциал демографического роста, накопленный в возрастной структуре населения за счет более высокой рождаемости в прошлом. Момент истины — перехода от естественного прироста к естественной убыли населения — наступил в 1992 г. Так как естественный прирост населения был основным источником его общего роста, то сразу же началось и сокращение населения России (рис. 9).

Нынешнее сокращение населения России сильно отличается от трех предыдущих, наблюдавшихся в XX в. Они были вызваны острейшими социальными потрясениями — Первой мировой и Гражданской войнами, голодом и репрессиями 1930-х годов, Второй мировой войной — и прекращались с окончанием каждого из этих кризисов. Сейчас убыль населения обусловлена устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян. Поэтому рассчитывать на то, что она окажется преходящей, и в недалеком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны, не приходится. Убыль населения России скорее всего примет затяжной характер. На этом сходятся все авторы демографических прогнозов для России. В частности, по среднему варианту самого последнего прогноза ООН, к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30 % и составит 101,5 млн человек. Примерно к таким же результатам приходят и российские ученые (рис. 10).

Страна стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось примерно 8 % мирового населения, на долю собственно России — 4,4 %. Даже в 1950 г. доля России, еще не вполне восстановившей свое довоенное население, составляла более 4 %, а доля СССР — 7,1 % населения планеты.

Сейчас доля России в населении мира не превышает 2,4 % мирового населения и быстро падает. Согласно уже упоминавшемуся прогнозу ООН к 2050 г. она сократится до 1,1 %. Еще в 1950 г. Россия в ее нынешних границах занимала по численности населения четвертое место в мире после Китая, Индии и США. В 2003 г. наша страна оказалась на восьмом месте (ее обогнали Индонезия, Бразилия, Пакистан, а в самое последнее время Бангладеш). К 2050 г., по оценкам экспертов ООН, она сместится на 18-е место в мире, пропустив вперед несколько африканских стран, а также Мексику, Египет, Филиппины, Вьетнам, Японию и Иран (табл. 4).

При этом Россия занимает почти 13 % мировой суши — самая большая в мире, богатая природными ресурсами, но крайне слабо заселенная территория. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляют претензии на российские земли.

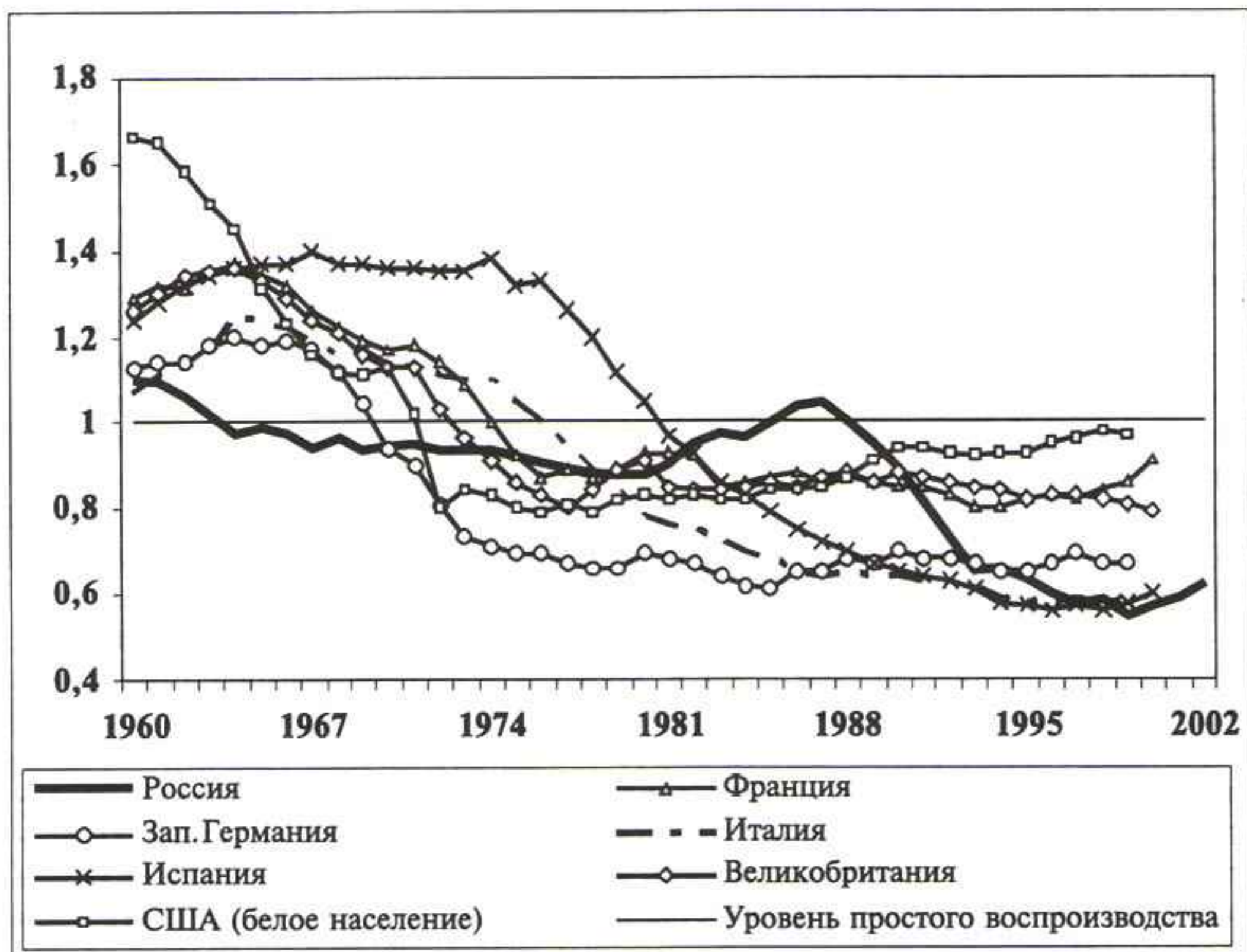

Рис. 8 **Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах, 1960—2002 гг.**

Но дело, конечно, не только в сравнении России с другими странами — сокращение численности россиян неблагоприятно и по многим внутренним соображениям. Даже и сейчас существует очевидное несоответствие между населением России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т. п. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, но эти ее качества стали особенно ощутимыми после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения.

Если европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России — 27, в США — 29 человек на 1 кв. км), то по сравнению с промышленными странами Западной Европы не слишком заселено даже ее историческое ядро. Одна пятая населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3 % ее территории. Но и здесь плотность населения (свыше 62-х человек на 1 кв. км.) почти вдвое ниже, чем в Европейском союзе (119 человек на 1 кв. км). В азиатской же части России на 75 % территории страны проживает всего 22 % ее населения при плотности 2,5 человека на 1 кв. км. Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и

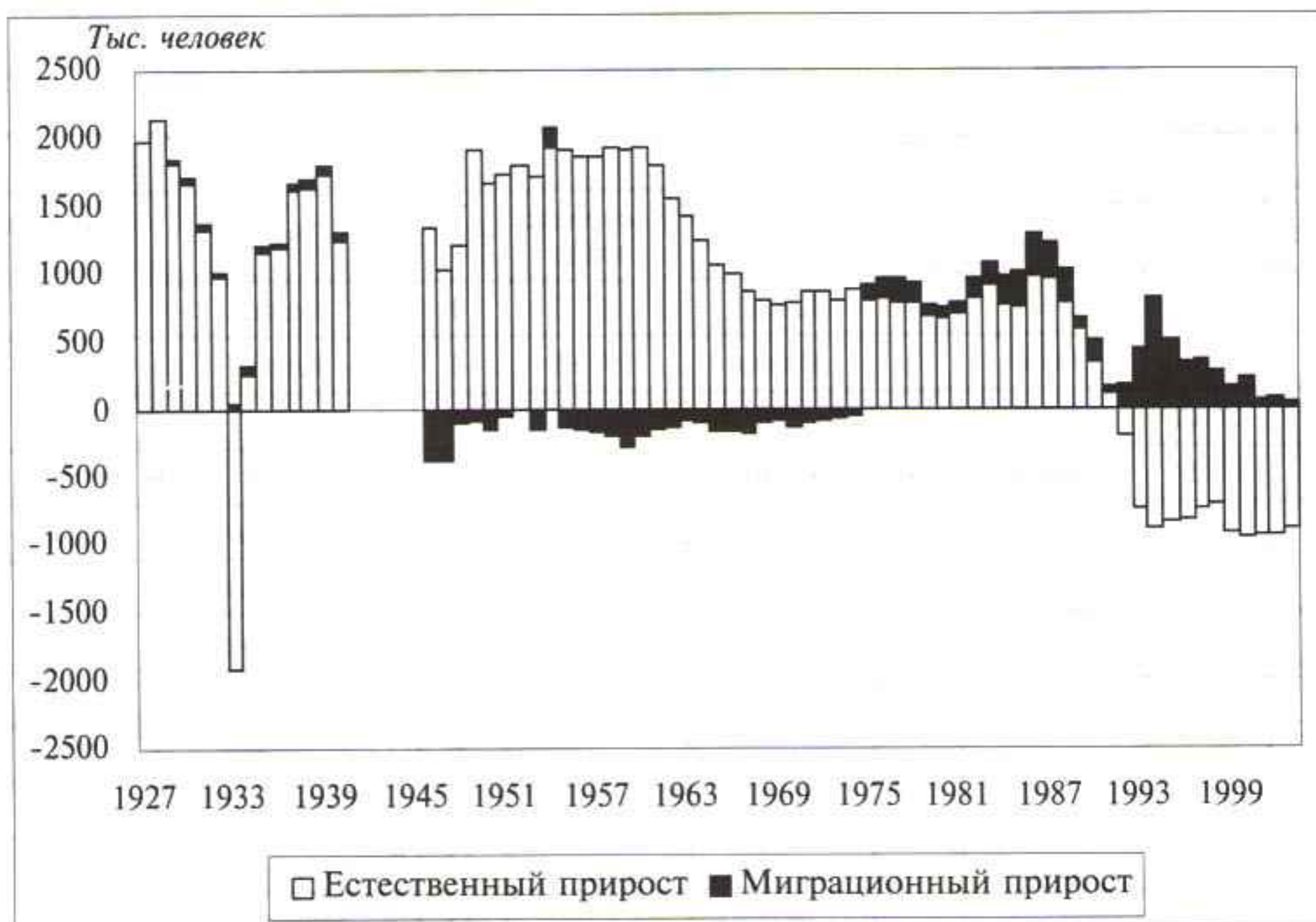

Рис. 9 Компоненты прироста населения России, 1927—2003 гг., тыс. человек

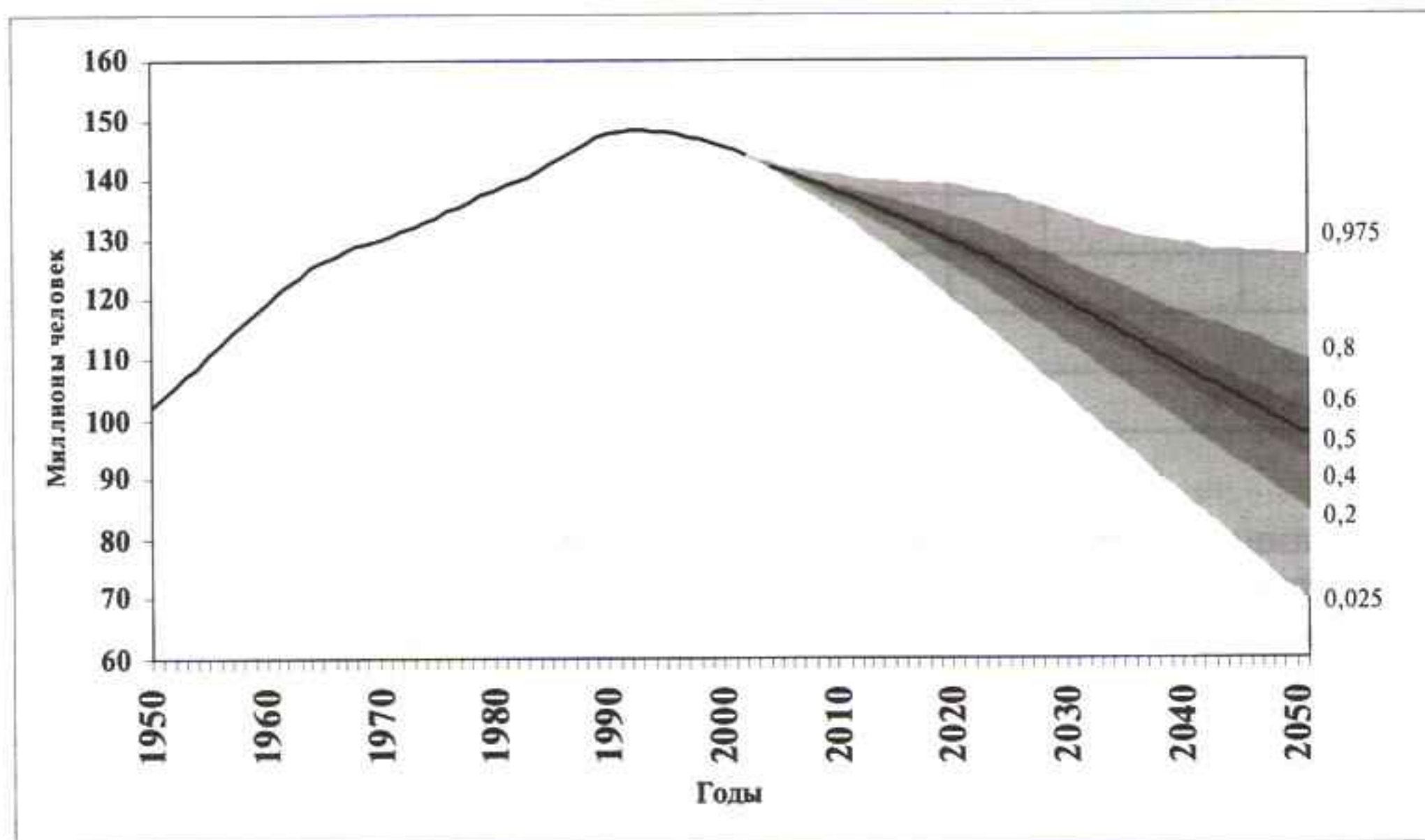

Рис. 10 Численность населения России в 1950—2000 гг. и по прогнозу до 2050 г. при разных доверительных вероятностях, млн человек

Источник: Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека. М., 2002. С. 183.

Таблица 4 Ранговое место России по численности населения в 1950, 2000 и 2050 гг. (средний вариант прогноза ООН)

1950			2000			2050		
Ранг	Страна	Население, в млн	Ранг	Страна	Население, в млн	Ранг	Страна	Население, в млн
1	Китай	554,7	1	Китай	1275,2	1	Индия	1531,4
2	Индия	357,6	2	Индия	1016,9	2	Китай	1395,2
	СССР	178,5						
3	США	157,8	3	США	285	3	США	408,7
4	Россия	102,7	4	Индонезия	211,6	4	Пакистан	348,7
			5	Бразилия	171,8	5	Индонезия	293,8
			6	Россия	145,6	6	Нигерия	258,5
						7	Бангладеш	254,6
						8	Бразилия	233,1
						9	Эфиопия	171
						10	Дем. респ. Конго	151,6
						11	Мексика	140,2
						12	Египет	127,4
						13	Филиппины	127
						14	Вьетнам	117,7
						15	Япония	109,2
						16	Иран	105,5
						17	Уганда	103,2
						18	Россия	101,5
Доля России в мировом населении								
4,10 %			2,40 %			1,10 %		

для создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры.

Общая ограниченность российского демографического потенциала сказывается на развитии российских городов. По доле городского населения (73 %) Россия находится на среднеевропейском уровне, не слишком отличаясь и от таких стран, как США (75 %) или Япония (77 %). Но ее городское население «размазано» по множеству поселений, тогда как сеть крупных городов развита слабо. После распада СССР в России осталось 13 из 24 советских городов-миллионеров, столько же их было и по переписи 2002 г., из них только два — к востоку от Урала. Всего два российских города насчитывают свыше 2 млн жителей. «Недоразвитость» крупных городов — свидетельство недостатков регионального развития России, которое сумело породить не так много мощных

региональных и межрегиональных столиц. Но здесь есть и обратная связь: «отсос» городского населения к нескольким крупным центрам в условиях ограниченности демографических ресурсов не позволяет сложиться крупным региональным метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих регионов, не благоприятствует и процветанию малых и средних городов.

Таким образом, ни по внутренним (экономическим), ни по внешним (геополитическим) соображениям убыль населения не отвечает интересам России. Чем можно ответить на этот вызов? Теоретически существует только два возможных ответа: восстановление устойчивого положительного естественного прироста населения или приток населения извне, крупномасштабная иммиграция. Первый ответ предполагает резкое и очень значительное повышение рождаемости, практически удвоение ее нынешнего уровня, что, как отмечалось выше, мало реально. Остается иммиграция. Сейчас только она способна хотя бы частично противодействовать сокращению численности и старению населения России, да и всех остальных постпереходных, промышленных и урбанизированных стран. Но этот ответ на вызов времени несет с собой новые риски и опасности.

Вызов иммиграции

По имеющимся оценкам, для того чтобы хотя бы поддерживать численность населения России на уровне начала XXI в. (146 млн человек), нужно было бы начиная с первого года нового столетия принимать ежегодно в среднем более 700 тыс. человек в год (нетто-миграция, т. е. разница между прибывшими и выбывшими) и постепенно наращивать этот объем до 1,2–1,3 млн человек в 2030–2035 гг. (речь, разумеется, идет не о точных цифрах, а о порядке величин) [Население России 2002, с. 181]. Пока эти расчетные величины имеют очень мало общего с действительностью.

На протяжении последней четверти XX в. миграционный прирост населения России составлял в среднем всего 232 тыс. человек в год. Сейчас главные поставщики иммигрантов в Россию — страны СНГ и Балтии. Миграционный прирост населения России за счет этих стран в 1990–1999 гг. (4,3 млн человек) был намного больше, чем за 1980–1989 гг. (1,6 млн). Но прирост увеличился не потому, что в Россию въезжало больше мигрантов, а потому что из нее меньше выезжало. Собственно же иммиграция сокращается. Если в 1981–1990 гг. в Россию из бывших союзных республик прибыло 8,9 млн человек, то в 1991–2000 гг. — всего 6,9 млн. Кроме того, Россия теряла население за счет эмиграции в дальнее зарубежье, так что общий миграционный прирост ее населения в 1990–1999 гг. составил всего 3,3 млн человек — меньше, чем в Германии за то же время (3,8 млн). Даже если сделать поправку на неполноту учета миграции между новыми независимыми государствами в 1990-х годах, едва ли можно оспорить факт сокращения (а не роста, как часто думают) притока мигрантов в Россию.

Приняв стратегию выправления демографического положения России за счет миграции, пришлось бы предпринять немалые усилия по наращиванию притока мигрантов в страну. Однако пока весьма проблематично само принятие

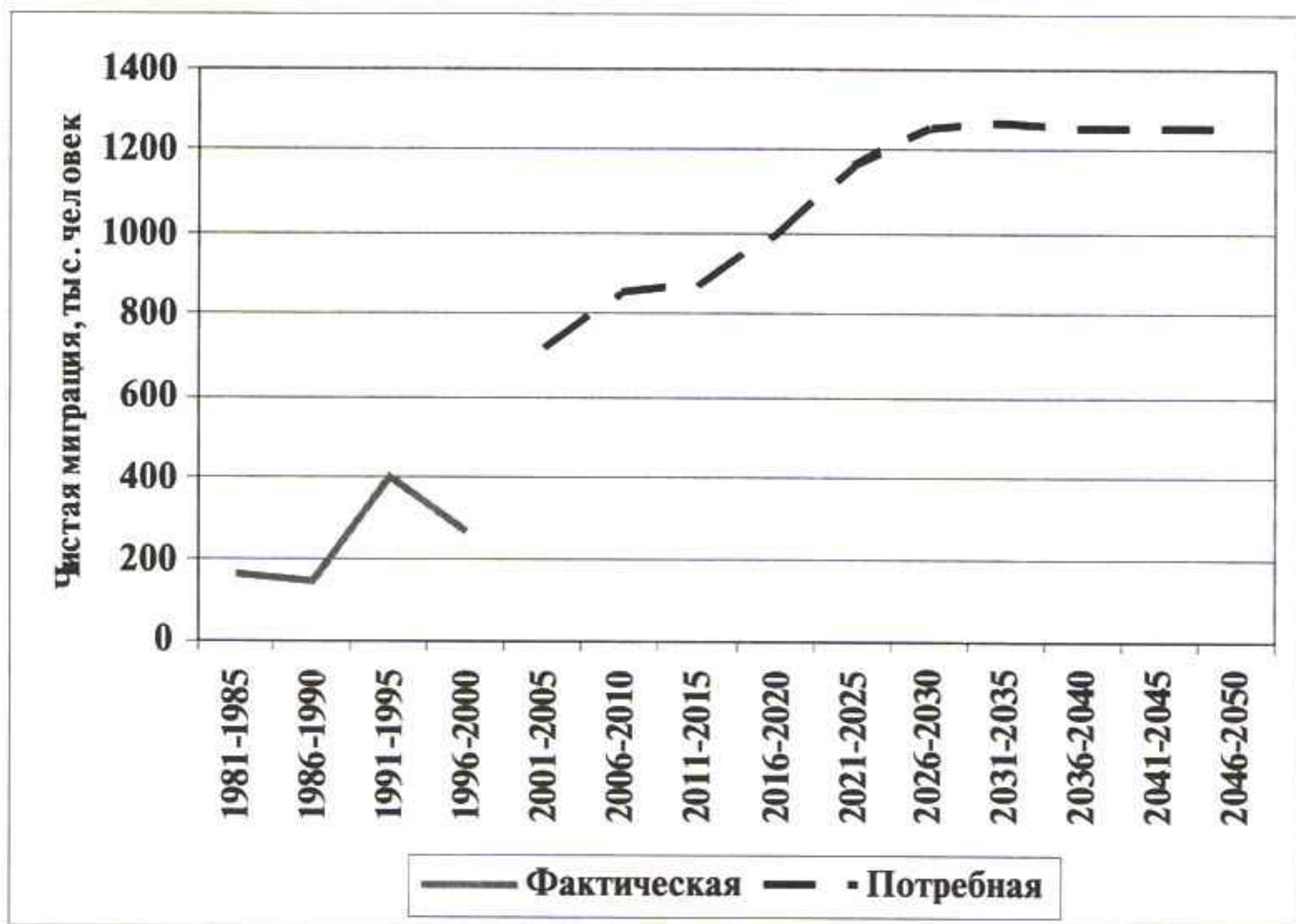

Рис. 11 Чистая миграция — фактическая в 1981—2000 гг. и необходимая в 2001—2050 гг. для поддержания неизменной численности населения, медианные значения серии прогнозов, тыс. человек

такой стратегии; она не находит поддержки в обществе. В стране сложилась своеобразная мифология, преувеличивающая как число иммигрантов, так и негативные последствия их присутствия. Сейчас настаивать на привлечении в Россию большого числа иммигрантов политически рискованно. Но и уклониться от использования «иммиграционного ресурса» невозможно, можно лишь, как это не раз бывало в России, сильно опоздать с принятием нужных решений.

Закрывать двери перед иммигрантами — значит смириться с непрерывным сокращением населения, его старением, с потерей места в мировой демографической иерархии, с непрерывным ухудшением и без того не лучшего соотношения «население/территория» и т. д.

Опыт многих развитых стран говорит о возможности другого пути. Так, в Германии отрицательный естественный прирост населения появился намного раньше, чем в России, и остается таковым уже больше 30 лет. Однако численность населения Германии после 1985 г. растет благодаря притоку иммигрантов, перекрывающему его естественную убыль. В целом по Европейскому союзу миграционный прирост населения в 1990—1999 гг. достиг 8,7 млн человек, при том что общий прирост населения за этот период составил 12,7 млн [Statistiques... 2000, р. 47]. Прогнозируемый на ближайшие 20 лет миграционный прирост превышает 700 тыс. человек в год [Ibid, р. 129].

Особенно показателен опыт США. Длжащееся уже свыше 10 лет сокращение населения России приходится рассматривать на фоне небывалого прироста населения США на 32,7 млн человек за 10 лет между переписями 1990 и 2000 гг. — самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в истории этой страны. Число ее жителей будет увеличиваться и впредь. Согласно прогнозу ООН, США, которые в 1950 г. находились на третьем месте в мире (если не считать СССР), сохранят 3-е место и в 2050 г., тогда как Россия за те же 100 лет передвинется, как уже упоминалось, с 4-го на 18-е место. Демографическое положение США сейчас намного лучше такового в России: рождаемость выше, смертность ниже, естественный прирост положительный. И тем не менее США принимают очень большое число мигрантов (8,7 млн человек за 1990—1999 гг. — столько же, сколько Европейский союз, хотя население США составляет менее 60 % населения ЕС), а долгосрочный демографический прогноз США предусматривает миграционный прирост населения за первую половину столетия примерно в 45 млн человек [Statistical Abstract... 2001, p. 9].

Принимать иммигрантов американцы и европейцы вынуждены своими внутренними обстоятельствами — примерно такими же, какие существуют и в России. Однако это не единственный вид вынужденности, с которым приходится считаться странам-реципиентам, хотя они и привыкли думать, что контролируют миграционные потоки в своих интересах. Так, по-видимому, думают и российские власти, полагающие, что все ключи находятся в их руках: как они решат, так и будет, спорить можно лишь о том, какое решение оптимально с точки зрения внутренних интересов России.

Эта логика соответствует тому этапу миграционного взаимодействия развитого и развивающегося миров, который уже закончился. На том этапе главный мотор, приводивший в движение миграционные потоки, действительно находился в странах-реципиентах. Но коль скоро такие потоки сложились, они приобрели свои собственные движущие силы и, нарастая, все больше отражают ситуацию в странах-поставщиках мигрантов да и в мире в целом. «Золотой миллиард» все больше превращается в мировое меньшинство и все меньше способен противостоять натиску окружающих его миллиардов жителей третьего мира. Еще недавно их было всего 2 млрд, потом стало 3,4; сейчас уже 5 млрд, а будет еще больше.

Когда легальные миграционные каналы, предоставляемые странами-реципиентами, оказываются слишком узкими, возникают нелегальные каналы, что и происходит на наших глазах. По некоторым оценкам, в середине 1990-х годов число нелегальных мигрантов в США приближалось к 5 млн, в Европе — к 3 млн [Skeldon 2000, p. 12]. О миллионах нелегальных мигрантов говорят и в России. Проблема незаконной миграции все явственнее выходит на первый план, включается в число проблем, в наибольшей степени занимающих политиков и общественное мнение в странах-реципиентах.

За всем этим стоит демографическое давление перенаселенного третьего мира на страны «золотого миллиарда». Оно несомненно будет быстро нарастать и контролировать его будет с каждым годом сложнее, ибо перераспределение населения между перенаселенными и депопулирующими странами само по себе есть некий ответ на многие вызовы, порожденные глобальными демографичес-

кими изменениями XX в. Но этот ответ, в свою очередь, превращается в новый вызов, и он может стать самым главным вызовом нового столетия.

Сегодняшний миграционный напор может оказаться лишь отдаленным раскатом приближающейся грозы. Демографическое давление «юга» на «север» способно приобрести самые разные формы. При определенных критических обстоятельствах оно может соединиться с военно-политическим давлением, привести к крупномасштабной перекройке политической карты мира и т. п. На фоне такого рода угроз рутинная экономическая миграция, позволяющая «выпускать пар» из перегретого котла «юга», укреплять мосты между развитым и развивающимися мирами и не доводить дело до взрыва, выглядит все же менее опасным решением. Но считать его абсолютно безопасным тоже нет оснований.

Демографические массы обоих миров несоизмеримы. Потенциальное предложение дешевой рабочей силы из развивающихся стран практически безгранично, тогда как потребности развитых стран все же довольно жестко ограничены. Существуют и другие пределы их миграционной емкости, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т. д. До тех пор пока число таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней, и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения.

Все это осознается не сразу, но постепенно промышленные страны, использующие иностранную рабочую силу, начинают ощущать ограниченность своей иммиграционной емкости. В них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, которая становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения и формируется соответствующая мифология, нередко увлекающая даже интеллектуальную элиту.

Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда, и в особенности с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации и культурной ассимиляции иммигрантов.

Но у России есть и особенности, отнюдь не облегчающие ее положения. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, в том числе такими важными для наступившего века, как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного «юга». Не слишком радужны миграционные перспективы России,

если рассматривать их с точки зрения ее геополитического положения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая.

Разумеется, границы миграционной емкости России, как и любой другой страны, нельзя рассматривать как очень жесткие. Миграционная емкость может быть увеличена путем проведения специальной политики, направленной на расширение «узких мест». Но и такая политика, даже очень активная, может лишь несколько раздвинуть границы миграционной емкости, но не может их устранить.

К сожалению, наш анализ не располагает к оптимизму. Демографические вызовы, на которые придется отвечать России, чрезвычайно остры. Поиски ответов на них, пока очень вялые, конечно, необходимы, но нельзя не видеть, что жесткие условия внутрироссийских и мировых реальностей не оставляют российскому обществу большого выбора. Нет ничего более опасного, чем плодящиеся, как грибы, в недрах наших министерств чиновничьи «концепции», обещающие скорое решение неразрешимых проблем. Нужно не сеять иллюзии, а попытаться увидеть суровую правду. Только тогда могут начаться поиски действительных ответов, может быть, очень нетривиальных, на действительные вызовы. А предлагать простые ответы на головоломные вопросы истории — значит разоружаться перед лицом серьезной опасности.

Литература

Население России 2001. М.: Книжный дом «Университет», 2002.

Easterlin R. The Birth Dearth, Aging, and the Economy. In: Sisay Asefa and Wei-Chiao Huang (eds.). Human Capital and Economic Development. Kalamazoo, Michigan, W.E.Upjohn Institute for Employment Research, 1994.

Skeldon R. Myths and Realities of Chinese Irregular Migration. IOM Migration Research Series, 1/2000.

Statistical Abstract of the United States 2001. Washington, 2001.

Statistiques sociales européennes. Démographie. Eurostat, 2002.